

Махрова Т. К.

ИЗ ИСТОРИИ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ РОССИИ В ПЕРИОД НАПОЛЕНОВСКОГО ВТОРЖЕНИЯ

Оренбургский край в начале XIX века стал ареной своеобразной, но в перспективе не менее опасной для государства, чем военное вторжение Наполеона, экономической войны – «войны ассигнациями».

Известно, что история бумажноденежного обращения в России начинается Высочайшим указом об учреждении государственного банка с правом выпуска банковских билетов на сумму 5 млн. руб., подписанным накануне своей смерти в мае 1762 г. Петром III. Основные положения этого указа повторил семь лет спустя манифест Екатерины II от 29 декабря 1768 г., попытавшейся таким образом поправить финансовые дела государства в период русско-турецкой войны¹. «С 1 января 1769 года, – говорилось в Манифесте, – устанавливается в Санкт-Петербурге и Москве два банка для вымена государственных ассигнаций, которые выдаваемы будут из разных правительств и казенных мест, от Нас к тому означенных, столько, а не более, как в вышеозначенных банках капитала наличного будет состоять». В каждый банк было положено капитала по 500 тыс. руб. (медью) и на общую сумму в 1 млн руб. выпущены ассигнации достоинством 25, 50, 75, 100 руб., первоначально они подразделялись на московские и Санкт-Петербургские².

Российские бумажные деньги получили не немецкое, как предполагалось ранее, а французское название: от французского слова «assignats» – свидетельство на получение денег. В России их начали «усовершенствовать» сразу же после первого выпуска, заменяя цифру «2» цифрой «7» путем подчисток и перегравировки на 25-рублевой ассигнации. Уже в 1771 г. 75-рублевые ассигнации были изъяты из обращения, в 1772 г. правительство прекратило их выпуск, а в 1780 году запретило ввоз и вывоз российских ассигнаций за границу³.

Однако последняя мера оказалась запоздалой. Она уже не могла остановить

распространения нового для России преступного «увлечения»: ассигнации рисовали тушью, добивались прозрачности водяных знаков по краям ассигнации «чесноковым соком», «посредством сала» или «намазывали сливочным, семенным или деревянным маслом». Догадавшись, что изображение водяного знака образуется в результате меньшей толщины бумаги на рисунке, злоумышленники пытались добиться такого же эффекта, «соскабливая слова и литеры кругом ассигнации и гербов по углам», нередко бумагу проскабливали насквозь. «Деланием» и сбытом фальшивых ассигнаций начали заниматься и аристократы, и представители «необразованных классов»⁴.

В 1786 г. ассигнации, оказавшиеся столь легкими для подделки, были изъяты из обращения и заменены ассигнациями нового, более сложного, образца. 30 января 1785 г. была учреждена казенная бумажная фабрика в Царском Селе для производства ассигнационной бумаги, хотя печатание по-прежнему производилось при Сенате. Бумага улучшенного качества, усложненные водяные знаки (вверху – «любовь к отечеству», внизу – «действует к пользе онаго», с левой стороны – «государственная казна», с правой – номинал, достоинство ассигнации прописью и церковными буквами, означающими число рублей), срезанные для удобства распознавания крупных номиналов неграмотными людьми углы (25-рублевая имела все срезанные углы, 50-рублевая – верхний левый и нижний правый, 100-рублевая – не имела срезанных глов), появление цветных банкнот мелких номиналов «в облегчение хождению и оборотам денег» (5-рублевые «синенькие» и 10-рублевые «красенькие», они должны были составлять 10% от суммы каждого нового выпуска) – основные отличия ассигнаций, выпускавшихся с 1786 по 1819 г. 10-рублевая ассигнация отличалась еще и

тем, что пропись «объявителю сей...» напечатана была наискось от нижнего левого угла к правому верхнему. На новых ассигнациях в центре располагалось изображение двуглавого орла с распростертыми крыльями и цепью ордена Андрея Первозванного, но не коронованного (т. е. это еще не было изображением государственного герба), между просвечивающимися прописями по углам были изображены гербы четырех царств – Астраханского, Московского, Казанского и Сибирского с соответствующей каждому короной. Ассигнации собственноручно подписывались директором банка и на обороте – советником правления банка. Согласно Манифесту от 28 июля 1786 г. «Об учреждении Государственного Заемного Банка» московский и Санкт-Петербургский променные банки соединились, при объединенном банке учреждалась особая экспедиция для ревизии, приема ассигнаций, подлежащих уничтожению, а также для ведения книг, где фиксировались достоинство, номера и подписи на ассигнациях.

Несмотря на более сложные технологии печатания и гравировки, фальшивые ассигнации образца 1786-1819 гг. получили большое распространение, а накануне французского вторжения была предпринята настоящая экономическая диверсия: в российском денежном обороте появились так называемые «наполеоновки»⁵.

Выпуск фальшивых денежных знаков противника неоднократно практиковался в войнах конца XVIII – начала XIX вв. Известно, что во время подготовки к вторжению на территорию России по указанию Наполеона I в условиях строгой секретности (усилиями трех исполнителей – чиновника министерства полиции, гравера и типографа) были изготовлены поддельные русские ассигнации номиналом 100, 50, 25 рублей, датированные 1805-1811 гг. Кроме русских ассигнаций Бонапарт печатал также поддельные фунты стерлингов, австрийскую, прусскую валюту. В свою очередь, французские эмигранты-роялисты в Англии и Швейцарии выпустили миллионы поддельных французских банкнот. Россия подобными делами не занималась.

Весной 1812 г. наполеоновский министр иностранных дел герцог де Бассано⁶ передал одному из варшавских банкиров фальшивых ассигнаций на 20 млн руб. для распространения в России. По утверждению военного историка И.П. Липранди, участвовавшего в войне 1812 г. в качестве полковника генерального штаба, а после вступления русских войск в Париж – начальника военной полиции, в начале военной кампании на российский рынок было вброшено подделок на 25 млн руб.⁷ Печатание фальшивок продолжалось и непосредственно во время похода. При Березине в руки казаков попала карета Наполеона, где среди бумаг нашли гравировальные доски для печатания русских сто-рублевых. Есть сведения о том, что после занятия Москвы фальшивые 100-рублевые ассигнации фабриковались на привезенном французами станке на Преображенском кладбище, их с трудом распознавали даже в ассигнационном банке.

Французские фальшивки отличались высоким качеством исполнения – более четким водяным знаком, ровным расположением букв в словах основного текста, глубоким рельефным тиснением (конгрев – рельефное бескрасочное тиснение в виде двух овальных медальонов – выделялся более четко). На поддельных ассигнациях краска была гуще, бумага качественнее, с голубоватым оттенком. Однако подлинные ассигнации подписывались вручную чернилами, а на фальшивых подпись была выгравирована, поэтому она не выцветала со временем и не приобретала коричневого оттенка. Кроме того, встречались орфографические ошибки: на некоторых купюрах в словах «государственная» и «ходячий» вместо буквы «д» печатали «л», или в букве «д» левая нижняя ножка оказывалась меньшего размера, чем правая. Выяснилось также, что факсимиле российского чиновника, ставившего свою печать на настоящие ассигнации, треснуло и оставляло на купюрах едва различимую полоску, французские же граверы скопировали эту подпись без дефекта.

Фальшивые ассигнации Наполеон предполагал использовать на оккупированной территории для выплаты жалования

своей армии и закупки продовольствия и фуража. Но, несмотря на превосходное качество подделок, надежды Наполеона на их широкое применение не оправдались. Выяснилось, что к 1812 г. реальная стоимость русского ассигнационного рубля составляла всего лишь 25 копеек. Крестьяне, если соглашались на сделку, требовали оплату в золоте или серебре. Французские офицеры были недовольны жалованием, которое в фальшивых ассигнациях, даже увеличенное со временем в 2 раза, составляло только половину обычного содержания. Переживая за свою репутацию, Наполеон во время отступления приказал уничтожить все неиспользованные фальшивые ассигнации.

Выяснить, как выполнялся этот приказ, не представляется возможным, затруднительно и в целом определение доли подделок в наличном обороте России первой половины XIX столетия. Лев Толстой в «Войне и мире» писал о том, что Москву наполняли ассигнации – и фальшивые, и не фальшивые, но одинаково не имеющие ценности по сравнению с золотом и серебром. Государственный банк в разоренной войной стране вынужден был принимать фальшивые ассигнации как подлинные, хотя и не разменивал их на драгоценные металлы⁸. Безостановочная работа российского печатного станка в стремлении профинансировать непрерывные войны (с Персией в 1804–1813 гг., с Турцией в 1806–1812 гг., со Швецией в 1808–1809 гг., с Францией) вкупе с экономической диверсией фальшивомонетчиков готовы были обрушить финансовую систему Российской империи...

Некоторые цифры об изъятии фальшивых ассигнаций в целом по империи приводит Энциклопедический словарь, выпущенный в конце XIX в. под редакцией К.К. Арсеньева и Ф.Ф. Петрушевского: с 1813 по 1817 гг. их было обнаружено на сумму 5614380 руб., а в ходе обмена денег в 1819–1821 гг. в банки было представлено фальшивок на 6794520 руб. Только в полковых кассах возвращавшейся в 1814 г. из Европы российской армии ревизия обнаружила из 1,5 млн руб. более 300 тыс. поддельных.

Свой вклад, точной оценке не поддающийся, в это «рублевое наводнение» внесли и восточные «конкуренты» Наполеона – фальшивомонетчики Бухары.

Как показывают обнаруженные в Государственном архиве Оренбургской области (ГАОО) документы, оренбургский пограничный край стал в начале XIX в. еще одним каналом ввоза в Россию фальшивок – ассигнаций, производимых в Бухаре. Проникновение фальшивых ассигнаций с востока на рубеже XVIII–XIX вв. приобрело нешуточные масштабы, беспокоившие и местные власти, и правительство не в меньшей степени, чем их «западный поток».

Чаще всего фальшивки выявлялись в процессе сбора податей с населения, в питейных заведениях, при обмене ассигнаций на медные монеты в уездных казначействах, при передаче собранных налогов в уездное казначейство либо при передаче ассигнаций из уездного казначейства в ассигнационный банк. При выявлении подделки обязательно проводилось следствие, обнаруживающее, как правило, цепочку из нескольких крестьян, казаков, мелких торговцев, не имеющих к производству фальшивок никакого отношения и получавших «сомнительные» деньги в качестве платы за проданные товары, на отхожих промыслах.

О степени насыщенности оборота фальшивыми деньгами свидетельствует непрекращающаяся в течение всей первой половины XIX в. переписка местных, губернских и центральных чиновников по этому поводу с детальным описанием всех случаев обнаружения фальшивок в Оренбурге, Уральске и Троицке, в башкирских кантонах, на станичных и сельских ярмарках и базарах, на торгах во время севрюжного или багренного рыболовства на реке Урал. Вот уральский казак Игнат Подлипалин получает за только что выловленную красную рыбу 25 фальшивых рублей от приехавшего в Уральск торговать своим товаром «пахотного солдата» из Симбирска (1804 г.), а оренбургский купец Ларионов платит крестьянину Ивану Шишкину за овец фальшивой пятирублевкой (1814 г.), но ни в том, ни в другом случае покупатели

не помнят, от кого сами получили ассигнации. Уральский казак Семен Кудрявцев продает «неизвестному русскому мужику» лошадь за поддельную 25-рублевую ассигнацию, и с такой же фальшивкой на руках оказывается крестьянин Нестор Галактионов, получивший ее «от простоты и по незнанию грамоты» от «неизвестного татарина Казанской губернии» (1814 г.). Служитель Новоурлядинского питейного дома дает сдачу казачьему офицеру фальшивой ассигнацией, а сами казаки расплачиваются в деревнях поддельными деньгами за купленных строевых лошадей⁹. Командир Троицкого гарнизонного батальона подполковник Охлебынин в 1814 г. обнаруживает фальшивую 25-рублевую ассигнацию среди денег, полученных из комиссии казенного комиссариатского депо Оренбурга для выплаты жалованья, а тептярский сотник Юртукай Паситов – уже в 1821 г. – привозит в Мензелинское уездное казначейство собранную в его деревне сумму государственных податей, в которой три пятирублевых ассигнации оказываются фальшивыми¹⁰. Не случайно в 1812 г., «канцелярии для соображения», военный губернатор Г.С. Волконский предписывал тщательнее следить за тем, как принимаются и хранятся государственные ассигнации, сопровождается ли пересылка ассигнаций списком с их нумерацией¹¹.

С конца XVIII в. начала формироваться нормативная база, регламентирующая действия чиновников в связи с обнаружением факта подделки ассигнаций. Указом Правительствующего Сената от 30 декабря 1799 г. следствие по факту обнаружения фальшивых ассигнаций предписывалось производить секретно и «скороокончательным образом» (т. е. быстро): «через полицию градскую или земскую расспросом приносителей и тех, на кого они будут ссылаться из живущих в этом округе или губернии, и проведением в нужном случае осмотра, где у кого потребно будет, с тем, чтобы полиция о начале следствия рапортовала начальнику губернии, который, если нет сомнений в достаточности следствия, направляет их в банк». Заявители должны

были поклясться под присягой в том, что к производству фальшивых ассигнаций непричастны. Если в ходе следствия они не были изобличены и в своем «поведении одобрены соседями», а в домах их не найдено было соответствующих инструментов, губернатор обращался в Государственный ассигнационный банк с ходатайством об обмене фальшивок на настоящие ассигнации. Задержанных отпускали с внушением, «дабы они впредь в подобных делах были осторожны». Деньги из банка доставлялись по месту требования и выдавались заявителю или его наследнику (за вычетом стоимости пересылки). Сохранившиеся архивные документы (расписки в получении денег) свидетельствуют о том, что механизм работал уже в 1804–1805 гг.¹²

Даже при весьма старательном и добросовестном расследовании выстраиваемая следствием цепочка путалась, выходила далеко за границы той территории, где была обнаружена фальшивка, и чаще всего обрывалась неустановленным лицом или отсутствием доказательной базы. Материалы следственных дел показывают, что в делах такого рода неизбежно был задействован широкий круг лиц – торговых партнеров, родственников, земляков, обеспечивающих хранение, распространение и сбыт фальшивых денег как осознанно, с умыслом, так и без него, просто по неграмотности и невнимательности.

Происхождение фальшивых ассигнаций на территории Оренбуржья не было тайной для администрации края. В секретном письме оренбургскому военному губернатору графу П.К. Эссену от 18 мая 1817 г. министр финансов Д.А. Гурьев подчеркивал, что провоз фальшивых ассигнаций в торговых караванах из Бухары осуществляется давно, главные действующие лица предположительно известны, среди них и весьма высокопоставленные особы. У Гурьева имелись сведения о том, что бухарский посланник в Санкт-Петербурге Бабожан Азисафиров в 1812 г., вероятно, сумел провезти около 130 тыс. фальшивых рублей, следуя из Бухары через Оренбург, Екатеринбург и Сысертский завод в Троицк. В Пресно-

Горьковской крепости его караван обыскали, но ничего не нашли, пропустили далее на Макарьевскую ярмарку. На всем пути следования караван находился под наблюдением, все подорожные платежи проверялись на наличие фальшивых ассигнаций, но безрезультатно. По одной из версий, фальшивые деньги хранились в железном сундуке девицы Александры Турчаниновой в Сысертском заводе Среди сообщников Азисаферова – «известный по богатству» троицкий торговец Закиржан (Шакиржан), казанский татарин Сейфулла Файзуллин, челябинский купец Игнат Ахматов. Примечательно, что последний состоял в родстве со стряпчим, исправником и городничим Челябинска, а также с директором Троицкой таможни. Для дел такого рода идеальный посредник, но связь его с Азисаферовым еще нужно было доказать, для чего П.К. Эссен впоследствии и задействовал своих секретных агентов¹³. Караваны, идущие в центры приграничной торговли – Оренбург и Троицк, – обеспечивали доставку денежного груза именно туда, где проще всего было начать распространение фальшивок, правда, для этого надо было еще купить лояльность местных чиновников, сделать их звеном преступной цепочки. Если учесть, что до 90% товаров, доставляемых караванами из Бухары, продавались в итоге на Макарьевской ярмарке, то распространение фальшивых ассигнаций могло осуществляться на всех территориях по пути следования каравана. Одним из направлений вывоза подделок был также Астраханский порт.

Еще в 1805 г. допрос причастных к громкому делу троицкого исправника С. Вязмитинова, через которого из Бухары «шли во многие руки» фальшивые ассигнации, выявил некоторые детали организации преступного промысла¹⁴. Задержанный приказчик троицкого купца Кадкина татарин Уржумского уезда Вятской губернии Салих Саферов (Ягафаров), выезжавший в Среднюю Азию за товаром и, как выяснилось, за очередной партией фальшивых ассигнаций, показал, что в Бухаре (где собственная денежная система была основана

на обращении золотых, серебряных и медных монет) непосредственно изготовлением фальшивых российских ассигнаций занимались 3-4 человека, работу их тормозил только недостаток годной для такого производства бумаги, бумагу также доставляли с караванами, возвращавшимися из Троицка в Бухару. Местных художников было крайне мало, и работали они весьма топорно. Вероятно, мастеров «импортировали» из России. Есть основания полагать, что промысел практически не прекращался, возникающие производственные проблемы быстро решались при помощи заинтересованных лиц: когда в 1816 г. в Бухаре умер подписчик ассигнаций, с очередным караваном из России прибыли два грамотных татарина, обученных (вероятно, в Казани) хорошо писать по-русски; уже в 1817 г. к отправке в Троицк и Челябинск (через Звериноголовскую крепость) была готова большая партия фальшивых ассигнаций¹⁵.

Троицкий земский исправник титулярный советник Степан Вязмитинов при помощи своих братьев Василия и Якова фактически стал организатором сбыта поступавших из Бухары с купеческими караванами фальшивых ассигнаций, и не только на территории Оренбургского края. Сыск по данному делу пришлось вести на огромном пространстве губерний Оренбургской, Вятской, Пермской, Казанской, Астраханской и в обеих столицах, куда Вязмитинов с сообщниками регулярно отправляли по почте пакеты с фальшивыми бухарскими ассигнациями. Следствию удалось это доказать, хотя фигуранты этого дела вины своей так и не признали, были лишены чинов и высланы, имение Степана Вязмитинова продано с публичных торгов, деньги поступили в Государственный ассигнационный банк¹⁶.

Сложнее обстояло дело с наказанием уличенных в провозе фальшивых ассигнаций «азиатцев». Оренбургский военный губернатор Г.С. Волконский писал министру внутренних дел в 1805 г.: «Наказать сам азиатцев не посмею... но если таковой окажется виновным, следовало бы приговорить его по нашим законам как иностранца,

в Российском государстве не состоящего, за преступление такой важности, которое произошло не от грубости и невежества, свойственного многим азиатцам, но от злого намерения... прошу показать мне способы, коими бы руководствоваться мне...»¹⁷. Однако помимо Высочайшего указа от 25 января 1767 г., предписывавшего оренбургскому губернатору быть осторожнее в отношении наказания азиатцев «за предерзости их», иных законоположений, регулирующих эту сферу, не было. Тем не менее к сообщениям из Оренбургской губернии правительство относилось как к делу государственной важности. Так, уже в связи с делом Вязмитинова активность сыскных действий возросла. В Москве занялись поиском лиц, помогавших ему обменять деньги. В Казани проверялась вся переписка торгующих в Троицке татар. Тщательно досматривались караваны на таможах Оренбурга и Троицка. По рекомендации министра финансов Д.А. Гурьева было организовано негласное наблюдение за таможенными чиновниками, возвращавшимися после встречи караванов в степи. (такое секретное поручение, в частности, в 1817 г. выполнял подполковник Оренбургского отдельного корпуса Стеллих, находившийся в Троицке под предлогом обучения таможенного батальона¹⁸. Все подозрительные ассигнации переосвидетельствовались.

По качеству бухарские подделки уступали «наполеоновкам», но особенно явные признаки их отличия от настоящих появились после усовершенствований, введенных в технологию и организацию производства ассигнаций генерал-лейтенантом А.А. Бетанкуром, испанским инженером на российской службе, и князем А.Н. Хованским.

Еще в декабре 1813 г. министр финансов Д.А. Гурьев представил императору Александру I доклад о необходимости замены ассигнаций на новые и учреждении особого заведения, специализирующегося на проектировании и изготовлении государственных бумаг. Исполнением этого замысла занялся приглашенный на государственную службу в Россию испанский инженер генерал-лейтенант А.А. Бетанкур.

В 1816 г. он приступил к устройству на специально выделенном участке земли на берегу р. Фонтанки Экспедиции заготовления государственных бумаг, которая объединила весь производственный процесс изготовления банкнот и всех бумаг с государственным гербом на ограниченном пространстве (бумажная фабрика, типография, мастерские, казарма для рабочих, помещения для магазина, караула, администрации и квартиры для чиновников и служащих). В августе 1818 г. Экспедиция выпустила ассигнации нового образца, на которых появились серая защитная сетка, которую трудно писать пером и вырезать, обратная сторона (еще простая и однообразная), изображение государственного герба России. Новые ассигнации отличались по формату и цвету: 200, 100, 50-рублевые ассигнации были горизонтальными, 25-рублевая – вертикальной, красные 10-рублевые и синие 5-рублевые ассигнации отличались от всех других, напечатанных на белой бумаге. Бетанкур предложил оригинальный способ размола пеньки, позволявший бумагу «выделять только в крупном предприятии с громоздкими и шумными машинами, которые никак нельзя применять в тайном производстве». Каждому номиналу соответствовали свои водяные знаки более высокого, чем раньше, качества. Это стало возможным в результате разработки еще не известного мировой практике способа формирования водяных знаков путем штемпелевания их на сетке, которую нашивали на черпальные формы. Преимущество этого способа, признанного впоследствии за рубежом, заключалось не только в сокращении времени и затрат труда на вышивание, но и в обеспечении идентичности водяных знаков, что сыграло большую роль в защите ассигнаций от подделки¹⁹. Подпись управляющего банком впервые стала печататься вместе с номером. Вручную ассигнацию подписывал только кассир.

Ассигнации образца 1818–1819 гг. находились в обращении в неизменном количестве (595776310 руб.) до 1843 г., когда они были изъяты из обращения и заменены кредитными билетами в период

проведения реформы министром финансов графом Е.Ф. Канкрином. Денежные реформы, проведенные после 1812 г., способствовали решению проблемы «наполеоновок». Отметим при этом, что острота вопроса в Оренбургском крае сохранялась и в 1830 г., когда министр финансов Е.Ф. Канкрин даже предлагал Оренбургскому военному губернатору графу П.П. Сухтелену увеличить финансирование расходов на борьбу с фальшивомонетничеством, увеличить «награды розыскателям». П.П. Сухтелен, однако, отказался от дополнительных денег, ссылаясь на наличие, «согласно Высочайше утвержденному в 1826 г. штату экстраординарно суммы» (5 тыс. руб. ежегодно), которую губернатор мог использовать при необходимости с последующим возвратом израсходованной суммы из казны²⁰.

Предпринимавшиеся усилия, очевидно, имели смысл, упрощая распознавание «сомнительных» денег. Ассигнации нового образца содержали труднопроизводимые для фальшивомонетчиков элементы, возможности фальшивомонетчиков отставали от темпов технических усовершенствований. Приведем документ из материалов следствия, проведенного в 1821 г. в Оренбурге по факту изъятия фальшивой ассигнации, с описанием явных признаков подделки: «Описание признаков фальшивой пятирублевой ассигнации № 546039. Бумага имеет много скважин и выемок, легко рвется, внутренние знаки явственны, но чрезвычайно грубы и безобразны. Цвет бумаги фиолетовый, наподобие ассигнации прежнего образца. Наружные украшения сделаны чрезвычайно дурно и безобразно, в орле перья, когти, щит с Московским гербом, венки, молния совсем не сделаны,

корона над орлом узка и крива, шеи у орла тонки и безобразны, правое крыло выше левого, по обоим концам крыльев перья слишком много опущены, расположение листов в дубовых и лавровых ветвях совсем другое против надлежащих. Цифра 5 в круглом щите совсем не видна. Пропись слишком приближена к орлу и составлена из неровных и кривых литер, из которых некоторые имеют весьма дурно сделанные точки, а другие и совсем без оных. В слове монетою литеры «м» и «ю» чрезвычайно безобразны, слова «5 рублей» посередине места находящиеся и долженствующие быть на полосатом поле едва приметны, а полосы грубы, широки и неправильны. Подпись управляющего и слово «кассирь» очень приближены к рамке и угольному щиту, содержащему год. Номера малы, щиты, содержащие год печатания ассигнации, сетка по всей ассигнации и угольные украшения совершенно безобразны и не имеют никакого сходства. На обороте ассигнации вместо сетки сделан черный четвероугольник, в котором слово «пять» окружено черною чертою, чего нет в настоящей»²¹.

Образцы российских бумажных денежных знаков этого периода – как подлинных, так и фальшивых – сохранились нередко лишь в единичных экземплярах (особенно крупные 100-рублевые номиналы, «синенькие» 5-рублевые ассигнации в большей степени были доступны населению) в частных коллекциях, часть таких коллекций была утрачена в годы гражданской войны. Редкость первых российских ассигнаций объясняется и тем, что печатались они на тонкой бумаге и быстро изнашивались, при изъятии из оборота их полагалось публично сжигать перед Сенатом.

Примечания

1. Следует отметить, что еще в 1744 г. генерал-прокурор князь Шаховский предлагал ввести в оборот банковские билеты – «цеттели» (нем. das Zettel – записка) взамен обесценившихся медных пятак, но этому воспротивился Сенат. В 1766 г. генерал-губернатор Новгородский, Тверской и Псковский граф Я.Е. Сиверс, немало лет проживший в Европе и изучивший организацию там денежного обращения, вновь поднял вопрос о «цеттелях» и подал Екатерине записку, в которой доказывал необходимость и пользу введения в России бумажных денежных

знаков. На этот раз против оказалось ближайшее окружение императрицы, в том числе генерал-прокурор князь А.А. Вяземский, управлявший финансовыми делами государства. Но в 1768 г. именно он по поручению Екатерины подготовил и вынес на рассмотрение Государственного Совета подробный план выпуска бумажных денег, на основании его предложений и был издан Высочайший манифест 29 декабря 1768 г.

2. Алямкин А. В., Баранов А. Г. История денежного обращения в 1914–1924 гг. (по материалам Зауралья). – Екатеринбург, 2005. – С. 7–9.

3. Болотский Б. С., Гильмутдинов А. Р., Ларичев В. Д., Солдатенков В. С., Щерба С. П. Фальшивые деньги (фальшивомонетничество); под ред. В. Д. Ларичева. – М.: Экзамен, 2002. – С. 20.

4. Упорные слухи ходили, например, о производстве подделок на демидовских заводах. В 1783 г. по приказу Екатерины были заключены в крепость «на безысходное пребывание» албанские братья-авантюристы графы Аннибал и Марк Зановичи, обвиненные в доставке из-за границы фальшивых ассигнаций. Техническим путем пытался воспроизвести водяной знак корнет Алексей Сомов, среди вещей которого в 1802 г. были найдены специальные приспособления для этого // Режим доступа : <http://www.numlib.ru>

5. Такое название закрепилось в среде коллекционеров. См. подробнее: Маршак М. Б. Наполеоновские подделки русских ассигнаций // Труды Государственного Эрмитажа. Т. XXVI: Нумизматика. – Л., 1986. – С. 50–64.

6. Французский дипломат, журналист, адвокат и политики Юг Марé (1763–1839). После свержения монархии принял пост в министерстве иностранных дел Франции, был послом Французской Республики в городе Неаполе, был пленен австрийцами и освобожден в обмен на освобождение принцессы Марии-Терезы-Шарлотты, дочери короля Людовика XVI и Марии-Антуанетты. В 1799 г. стал секретарем Наполеона, затем государственным секретарем. За преданность в 1809 г. получил от Наполеона титул «герцог де Бассанó». В 1811–1813 гг. – министр иностранных дел Франции. В 1834 г. в течение недели возглавлял кабинет министров.

7. См.: Липранди И. П. Еще о фальшивых ассигнациях в 1812 году // Русский Архив. – 1865. – № 7 : материалы для Отечественной войны 1812 г. – СПб., 1867.

8. В 1817 г., когда состоялся последний выпуск ассигнаций данного образца, для скорейшего изъятия фальшивок из обращения ассигнационному банку было подтверждено предписание фальшивые ассигнации, «подделыватели коих уже известны», обменивать на настоящие.

9. См.: ГАОО. – Ф. 6. – Оп. 2. – Д. 1087; Оп. 3. – Д. 4255. – Л. 3, 9, 11, 78, 166, 187об., 400.

10. См.: ГАОО. – Ф. 6. – Оп. 3. – Д. 4255. – Л. 237; Оп. 4. – Д. 7700. – Л. 27.

11. См.: ГАОО. – Ф. 6. – Оп. 3. – Д. 3474. – Л. 19.

12. См.: ГАОО. – Ф. 6. – Оп. 2. – Д. 1087. – Л. 1–2, 12, 17.

13. См.: ГАОО. – Ф. 6. – Оп. 3. – Д. 5664. – Л. 1–3, 23, 26, 31.

14. См.: ГАОО. – Ф. 6. – Оп. 2. – Д. 1359. – Л. 3–8.

15. См.: ГАОО. – Ф. 6. – Оп. 3. – Д. 5664. – Л. 1–2.

16. См.: ГАОО. – Ф. 6. – Оп. 2. – Д. 1359. – Л. 14об.

17. См.: ГАОО. – Ф. 6. – Оп. 2. – Д. 1359. – Л. 8–12, 20–20об.

18. См.: ГАОО. – Ф. 6. – Оп. 3. – Д. 5664. – Л. 15.

19. Филигрань – водяные знаки, наносимые с помощью проволочного изображения, укрепляемого на сетке для отлива бумажных листов (от лат. *filum* – нитка, *granum* – зерно).

20. См.: ГАОО. – Ф. 6. – Оп. 4. – Д. 9714. – Л. 1–3.

21. См.: ГАОО. – Ф. 6. – Оп. 4. – Д. 7700. – Л. 2–2об. При воспроизведении сохранены орфография, пунктуация и стиль документа.

Махрова Татьяна Кимовна, профессор кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин факультета Подготовки сотрудников правоохранительных органов Южно-Уральского государственного университета (Национального исследовательского университета), доктор исторических наук, доцент.